

Британское правление в Палестине (1917–1948): между евреями и арабами

Алек Эпштейн, Михаил Урицкий

Формирование режима британского мандатного правления

В июле 1922 г., когда Лига Наций официально утвердила мандат на управление Палестиной/Эрец-Исраэль, предоставленный британцам на международной конференции в Сан-Ремо двумя годами ранее, в стране проживали около 600 тыс. арабов и 80 тыс. евреев. Согласно Уставу Лиги Наций, держатель мандата не обладал безраздельной властью над вверенными ему территориями, напротив, ему вменялось в обязанность оказывать местным общинам содействие в управлении страной до тех пор, «пока они не созреют окончательно для обретения независимости». Иными словами, полномочия держателя мандата носили временный характер, хотя продолжи-

тельность срока мандатного правления ни в каких документах не оговаривалась. Осознавая конечность британского правления, арабская и еврейская общины должны были подготовиться к уходу англичан, но не имели ни малейшего представления о том, когда это произойдет — через год, десять лет или через полвека. Отсутствие определенности в данном вопросе служило фактором, дестабилизировавшим социально-политическую обстановку в Палестине.

Открытым оставался и вопрос о том, какая форма политического устройства будет избрана в Палестине/Эрец-Исраэль после ухода англичан: будет ли это арабское государство, которое гарантирует евреям как национальному меньшинству те или иные права, или же еврейское государство, в соответствии с духом статьи 2 Постановления о мандатном правлении («Страна-

держатель мандата будет нести ответственность за создание в Палестине таких политических, административных и экономических условий, которые наилучшим образом обеспечат создание национального дома для еврейского народа»? Гипотетически существовала также возможность образования единого (унитарного или федеративного) еврейско-арабского государства. «Размытость» представлений об окончательном статусе страны провоцировала стороны на действия, с последствиями которых в любом случае пришлось бы считаться в тот момент, когда вопрос о будущем Палестины/Эрец-Исраэль перейдет в практическую плоскость.

Несмотря на утверждения некоторых авторов о ярко выраженном просионистском характере Постановления о мандатном правлении в Палестине [см., напр.: Stein 1961; Халамиш 2004: 117], в нем фигурирует не понятие «еврейское государство», а лишь понятие «национальный дом для еврейского народа» («a national home for the Jewish people»), заимствованное из письма министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура лорду Л. Ротшильду (так называемая «Декларация Бальфура» от 2 ноября 1917 г.). В письме ничего не говорилось о том, что должен представлять собой «национальный дом»: еврейское государство, еврейскую политическую или национально-культурную автономию либо некий «духовный центр», «очаг» развития языка иврит и национальной культуры. В зависимости от того или иного варианта развития событий, судьба палестинских арабов могла быть различной: в случае образования еврейского государства им пришлось бы довольствоваться ролью национального меньшинства, тогда как в «духовном центре» им вполне мог принадлежать и политический суверенитет.

Поскольку в «Декларации Бальфура» территориальные границы будущего «национального дома для еврейского народа» не были определены, оставалось неясным, идет ли речь о всей территории Палестины или же о какой-то (какой?) ее части. На конференции в Сан-Ремо в 1920 г. в сферу британского мандата были переданы, в том числе, и территории к востоку от реки Иордан, на которых год спустя англичанами было создано государство Трансиордания. Еврейским иммигрантам селиться там было запрещено.

В начале 1920-х годов ни евреи, ни арабы, ни даже англичане не представляли себе, какое политическое будущее ждет Палестину/Эрец-Исраэль. Сами мандатные власти, понимая важность Палестины не только как страны, на территории которой расположены святые для христианского мира города Иерусалим, Назарет и Вифлеем, но и как региона, находящегося на пересечении торговых путей между Европой, Азией и Африкой, как «ворот» от Средиземного моря к нефтяным полям Среднего Востока, тем не менее, не знали, ни сколько они планируют здесь пробыть, ни на каких условиях будут готовы отсюда уйти. В этой ситуации каждая из сторон прикладывала все возможные усилия для того, чтобы максимально увеличить свои шансы на обретение политического суверенитета в постмандатный период. В результате с первых дней своего правления в Палестине/Эрец-Исраэль англичане оказались втянуты в противостояние между палестинскими арабами и еврейским национальным движением.

При принятии Постановления о мандатном правлении в Палестине наличие межнациональной напряженности между населявшими страну общинами учтено не было. Более того, предполагалось, что стране-держателю мандата удастся совместить

обязанности по созданию условий для образования еврейского «национального дома» с защитой «гражданских и религиозных прав всех жителей Палестины, независимо от расовой и религиозной принадлежности» (статья 2). В статье 6 Постановления декларировалось, что мандатная администрация будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для еврейской иммиграции, а также защищать права и статус других групп населения.

На практике мандатные власти почти сразу обнаружили, что возложенные на них обязанности несовместимы между собой. Лидеры палестинских арабов выступали резко против еврейской иммиграции и создания в стране «национального дома для еврейского народа», считая и англичан, и евреев «крестоносцами XX века», коих необходимо как можно быстрее изгнать с арабского Ближнего Востока. Надежды некоторых еврейских лидеров (Х. Вейцмана, М. Шарета и др.) на достижение договоренности с арабскими националистами о мирном сосуществовании и совместных действиях против английских властей по тем или иным причинам не оправдались.

Мандатные власти между сионистским движением и арабским национализмом

Еще в мае 1919 г. глава военной разведки британских войск в Каире бригадный генерал Г. Клайтон, изначально выступавший против «Декларации Бальфура» [Sachar 1970: 221], предупреждал вышестоящие инстанции о том, что строгое ее соблюдение может вызвать сопротивление палестинских арабов британским властям. По его словам, «палестинским арабам нужна эта территория, и они будут изо всех сил сопротивляться еврейской иммиграции все-

ми доступными им методами, включая акты насилия» [см.: Marlowe 1959: 75]. Опасения генерала не были беспочвенными.

Уже в конце февраля 1920 г. в городах и некоторых селах страны была проведена серия антиеврейских и антибританских демонстраций, в ходе которых палестинские арабы приветствовали объявленную коронацию Фейсала как будущего короля объединенной Сирии (включавшей, с его точки зрения, и Палестину). В начале марта, на следующий день после коронации, страну охватила новая волна демонстраций, которые на этот раз сопровождались многочисленными актами насилия.

В Иерусалиме беспорядки начались 4 апреля, после прибытия в город мусульманских паломников из Хеврона. Они толпились у Яффских ворот, размахивали портретами Фейсала и выкрикивали лозунги в поддержку арабской независимости и объединения Сирии. В ходе беспорядков, продолжавшихся до 6 апреля, были убиты 5 евреев и около 200 ранены. С арабской стороны погибли 4 человека, около 20 были ранены.

Британским властям было заранее известно о готовящихся беспорядках, однако никаких мер по их предупреждению принято не было. Более того, именно накануне мусульманских религиозных торжеств английские войска были выведены из Иерусалима. По утверждению руководителя политического отдела британских оккупационных войск Р. Мейнерцхагена (1878–1967), глава британского штаба даже советовал арабам устроить в городе антиеврейские беспорядки, и вывод войск призван был облегчить им эту задачу [Meinertzhagen 1959]. Данное утверждение, каким бы странным оно ни казалось сегодня, следует рассматривать в контексте той эпохи. Известный историк Н. Роуз писал о тех событиях:

«В [британской] прессе, парламенте и правительстве развернулась антисионистская кампания, одобренная хорошей дозой антисемитизма. Ричард Мейнерцхаген отмечал явную “юдофобию”, исходившую из Министерства по делам колоний, У. Черчилль признавался лидеру сионистов Х. Вейцману, что девять десятых британских чиновников в Палестине — антисионисты» [Роуз 2003: 201].

Новые столкновения на националистической почве произошли год спустя. 1 мая 1921 г. арабы напали на евреев, проживавших в городе Яффо. На следующий день погромы перекинулись на ближайшие населенные пункты, охватив в течение нескольких дней Петах-Тикву, Хадеру и Реховот. Два небольших района Петах-Тиквы — Кфар-Саба и Эйн-Хай — были оставлены местными жителями и разрушены до основания. В ходе беспорядков погибли 47 евреев (практически все — в Яффо и его окрестностях) и 48 арабов, 146 евреев и 73 араба были ранены. Только вмешательство армии (довольно запоздалое) позволило остановить кровопролитие.

К тому времени Фейсал уже был изгнан французами из Дамаска, после чего воплощение идеи о Палестине как части «Великой Сирии» стало невозможным: в Сирии правили французские, а в Палестине — английские мандатные власти, находившиеся между собой в весьма напряженных отношениях. В этих условиях арабские националисты в Палестине начали собственную борьбу за независимость и суверенитет, считая еврейское национальное движение своим основным конкурентом.

На смену военной администрации в Палестине пришло гражданское правление. Место военных, симпатизировавших преимущественно арабам, занял Верховный комиссар Г. Сэмюэл (1870–1963), еврей по

происхождению, который, по мнению арабов (не лишеному оснований), поддерживал цели сионистов. За время пребывания Сэмюэла на посту Верховного комиссара численность еврейского населения в стране удвоилась — с 55 тыс. в 1919 г. до 108 тыс. в 1925 г. Были созданы более 50 новых еврейских населенных пунктов (с апреля 1920 г. по май 1921 г. в Палестину прибыли более 10 тыс. евреев, которые приобрели тысячи дунамов земли [см. подробнее: Mossek 1978]). Сионистская организация получила официальное признание, были образованы органы местного самоуправления и основан Верховный раввинат. Иврит стал одним из трех официальных языков Палестины/Эрец-Исраэль.

Однако, как бы Сэмюэл ни относился к еврейскому национальному движению, он оставался официальным представителем британских властей, которые ставили превыше всего необходимость соблюдения спокойствия и правопорядка на подмандатной территории. Стремясь предотвратить беспорядки в будущем, англичане пошли на корректировку своей политики в Палестине.

14 мая 1921 г. Сэмюэл объявил о временном прекращении приема репатриантов, что отвечало одному из основных требований арабского населения Палестины. На протесты евреев он отвечал, что репатриация будет возобновлена только после воцарения спокойствия в регионе.

3 июня, в день рождения тогдашнего короля Британии Георга V, Сэмюэл выступил с программной речью, в которой изложил основные положения новой политики Британии в Палестине. Верховный комиссар, в частности, заявил, что масштабы еврейской иммиграции «должны быть приведены в соответствие с экономическими возможностями Палестины», не конкретизировав при этом, кем и как именно будут опреде-

ляться эти «возможности». Расплывчатость формулировки позволила англичанам в дальнейшем накладывать все большие ограничения на иммиграцию, сохраняя свободу маневра и полный контроль над ситуацией. Коснувшись «Декларации Бальфура», Сэмюэл попытался убедить арабов в том, что речь в ней идет всего лишь о том, что «евреи как рассеянный по всему миру народ, сердце которого обращено в сторону Палестины, смогут найти в ней прибежище, и не которым из них будет дана возможность ... прибыть в Палестину, дабы содействовать ее процветанию на благо всех ее жителей». Важно отметить, что в своей речи Сэмюэл заменил фигурировавшее в Декларации понятие «национальный дом» термином «прибежище», что в корне меняло представление о роли евреев в будущем политическом устройстве Палестины/Эрец-Исраэль. Представитель мандатных властей объявил также о том, что еврейское правительство, наделенное полномочиями по управлению мусульманско-христианским большинством, создано не будет, и что все без исключения жители страны смогут принять равное участие в формировании органов власти.

Данные положения были зафиксированы в опубликованной в июне 1922 г. так называемой «Белой книге Черчилля» — первом из серии представленных парламенту отчетов о политических мероприятиях британских властей в Палестине. В этом документе У. Черчилль (1874–1965), годом ранее во второй раз назначенный на пост министра колоний, утверждал, что «Декларация Бальфура» предусматривает «не провозглашение всей Палестины еврейским национальным очагом, а создание такого очага на территории Палестины». Цель «Белой книги Черчилля» заключалась в том, чтобы развеять опасения арабов относительно роли Сионистской организации в управлении страной. В соответ-

ствии со статьей 4 Постановления о мандатном правлении Сионистская организация получала «статус официальной организации, в задачи которой входят консультации и сотрудничество с Администрацией Палестины в тех экономических, социальных и других вопросах, которые могут повлиять на создание еврейского национального дома, на интересы еврейского населения Палестины и ... на развитие страны в целом». Черчилль пытался убедить арабское население в том, что сфера деятельности Сионистской организации (в будущем — Еврейского агентства) ограничивается еврейской общиной, и что статья 4 Постановления о мандатном правлении «не предоставляет ей права принимать какое бы то ни было участие в правительстве Палестины». При этом в «Белой книге Черчилля» исключалась любая возможность трактовки понятия «национальный дом» как «еврейское государство».

Отношение самого Черчилля к еврейскому национальному движению было весьма противоречивым и в чем-то схожим с позицией Сэмюэла. «Забота о сионистах проявлялась более или менее регулярно на разных этапах карьеры У. Черчилля, — писал Н. Роуз. — Мысль о возвращении древнего народа на его историческую родину, о возрождении древнего государства взывала к присущему У. Черчиллю чувству справедливости и его глубинному ощущению истории». При этом «он никогда не допускал, чтобы поддержка интересов сионистов противоречила его долгу действующего британского политика» [Роуз 2003: 200].

События 1920–1922 гг. способствовали выстраиванию схемы, которая неоднократно воспроизводилась на протяжении всего мандатного периода: арабы прибегали к насильственным методам в борьбе против евреев и британской администрации, после чего назначалась комиссия по рас-

следованию причин беспорядков, на основе выводов которой Лондон корректировал свою линию в палестинском вопросе, отходя все дальше от заложенных в «Декларации Бальфура» принципов. В 1920–1930-е годы арабы с помощью насилия добились значительных успехов в политической сфере, но так и не смогли выработать конструктивную позицию, адекватную складывавшейся в регионе ситуации. Отвергая раз за разом предложения англичан, арабские националисты требовали создания своего национального государства на всей территории Палестины. Сионистские организации, напротив, хотя и с оговорками, принимали новую политику англичан и продолжали конструктивное сотрудничество с мандатными властями, надеясь добиться для себя максимум возможного.

В августе 1929 г. арабы инициировали беспорядки в Иерусалиме и Хевроне, в ходе которых были убиты и ранены более 500 евреев. Порядок удалось восстановить только благодаря прибытию английского военного подкрепления из Египта, вызванного Верховным комиссаром сэром Г. Луком. Британия направила в Палестину комиссию для расследования событий во главе с судьей сэром В. Шоу. В отчете Комиссии Шоу британскому правительству, в частности, утверждалось, что основными причинами «ненависти и вражды», которую арабы испытывают к евреям, являются еврейская репатриация и приобретение сионистами арабских земель. Летом 1930 г. похожий отчет был составлен по просьбе британского правительства отставным офицером сэром Дж. Хоуп-Симпсоном. В августе того же года на основе этих отчетов была опубликована «Белая книга Пасфильда» (названа по имени тогдашнего министра колоний С. Уэбба, лорда Пасфильда), значительно ограничившая еврейскую иммиграцию.

Арабское восстание 1936–1937 гг. привело к созданию британцами новой комиссии — на этот раз ее возглавил лорд Э. Пиль (хотя наибольшим влиянием в ней пользовался оксфордский профессор Р. Купленд). Были заслушаны показания более 130 свидетелей, как евреев, так и арабов. В своем отчете, опубликованном в июле 1937 г., Комиссия призвала к разделу Палестины на два государства — еврейское и арабское. Небольшая часть территории (коридор, соединяющий Иерусалим с Яффо) должна была остаться под британским контролем. Хотя план предусматривал создание арабского государства на 85% территории Палестины/Эрец-Исраэль, лидеры еврейской общины приняли, а арабские представители категорически отвергли его. В 1938 г. для умиротворения нараставшего арабского недовольства британским правлением и изучения вопросов, связанных с возможным разделом Палестины, на Ближний Восток была направлена новая комиссия под руководством сэра Дж. Вудхэда. В отчете, опубликованном осенью 1938 г., Комиссия Вудхэда констатировала, что из-за сопротивления арабов идее раздела Палестины осуществить план Комиссии Пилия не представляется возможным.

Год спустя началась Вторая мировая война, и палестинский вопрос временно сошел с повестки дня. Британия устремила свои взоры к регионам, находящимся за сотни и тысячи километров от Палестины/Эрец-Исраэль. Фактически, до самого окончания войны политика британских властей на Ближнем Востоке оставалась неизменной. С 1945 г. началось постепенное свертывание структур мандатной власти, которое сопровождалось резким обострением межнациональной напряженности.

В 1947 г. полномочная комиссия ООН предложила новый план раздела Палести-

ны/Эрец-Исраэль, который, пусть и с оговорками, был принят еврейской общиной, но вновь отвергнут арабской стороной. Условия мирного соглашения раз за разом становились для палестинских арабов все менее благоприятными: если в 1937 г. им предлагалось образовать свое государство на 85% территории подмандатной Палестины, в 1947 г. — на 45%, то в 2000 г. (на переговорах в Кемп-Дэвиде и Табе) — уже примерно на 22% (около 95% территорий Иудеи и Самарии, а также весь сектор Газа). Арабская сторона последовательно отвергала все эти и подобные предложения, в результате чего палестинское арабское государство не создано до сих пор. Примечательно, что в учебниках, по которым обучаются палестинские школьники, это государство не только фигурирует как субъект международного права, но и занимает всю (!) территорию Палестины; существующего же более пятидесяти пяти лет Государства Израиль на палестинских картах нет вообще.

Отчет Комиссии Пиля: трансфер арабов или согласованный обмен населением?

В работах некоторых историков, опубликованных в последние годы, утверждается, что еврейские лидеры чуть ли не с первых шагов становления еврейского национального движения вынашивали планы по изгнанию арабов с территории Палестины/Эрец-Исраэль [см.: Shahak 1989; Masalha 1992; Finkelstein 1995: 21–87; Моррис 1997]. Данное утверждение нередко используется в качестве доказательства того, что последующее возникновение проблемы палестинских беженцев вовсе не обуславливалось нежеланием арабов принимать предложенный ООН план раздела Палестины и вторжением арабских армий в Израиль сразу же

после провозглашения им своей независимости. Палестинские исследователи, равно как и израильские так называемые «новые историки», подчеркивают, что руководство еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль изначально тщательно спланировало трансфер арабского населения, тогда как условия военного времени служили лишь прикрытием для осуществления политической линии, оформившейся, якобы, тогда, когда сионистское движение находилось в самом начале своего пути. Как писал, к примеру, Б. Моррис, «когда в 1947–1948 годах разразился кризис, который впоследствии перерос в гражданскую войну с арабскими жителями Палестины/Эрец-Исраэль, а затем в широкомасштабное вооруженное противостояние с арабскими странами, политическое и армейское руководство намеренно и осознанно или же под воздействием обстоятельств воплотило в жизнь эту идею» [Моррис 1997: 195].

Так ли обстояло дело в действительности? Примечательно, что все фрагменты из публичных выступлений руководителей еврейской общины, которые Моррис приводит в подтверждение своего тезиса, приходится на десятилетие, предшествовавшее Войне за независимость: до 1937 г. тема трансфера, а точнее — обмена населением, практически не поднималась. Отчет Комиссии Пиля в корне изменил отношение сионистских лидеров к данной проблеме. Сам же Моррис отмечал, что «идея трансфера удостоилась в сионистских кругах публичного или отчасти публичного обсуждения только в июле 1937 года, когда Королевская комиссия под руководством лорда Пиля выдвинула эту идею в качестве одного из своих предложений и тем самым придала ей легитимный характер» [Моррис 1997: 196].

Следует отметить, что Комиссия Пиля не только рекомендовала трансфер

арабов, проживающих на территориях, расположенных в границах будущего еврейского государства, в случае достижения сторонами взаимной договоренности, но и настаивала на его осуществлении даже с применением силы [см.: Тевет 1999: 268]. Изучение исторических материалов со всей очевидностью показывает: идея трансфера возникла по инициативе британских мандатных властей, а не была инициирована лидерами еврейского национального движения. Более того, ведущие сионистские лидеры, в том числе Д. Бен-Гурион и Х. Вейцман, отвергали подобную идею, полагая, что обмен населением должен носить добровольный характер. Так, например, в ходе заседания Мандатной комиссии Лиги Наций в августе 1937 г. тогдашний британский министр колоний У. Ормсби-Гор предлагал использовать силу, дабы осуществить обмен населением, выражая надежду на то, что в конечном итоге арабы согласятся покинуть еврейское государство добровольно. Однако еврейские лидеры придерживались иной позиции. Ближе к концу 1937 г. Вейцман направил Мандатной комиссии письмо, в котором, в частности, говорилось: «Мы, разумеется, не собираемся прибегать к силе или совершать какие-либо насильственные действия в отношении арабов: только те, кто захочет покинуть еврейское государство, будут эвакуированы» [Letters and Papers of Chaim Weitzmann 1968–1980: 186–187]. По мнению Вейцмана, следовало поощрять эвакуацию арабского населения, но ни в коем случае не принуждать к ней. В качестве такого поощрения Бен-Гурион предлагал обеспечивать палестинских арабов рабочими местами за пределами еврейского государства [Бен-Гурион 1967: 25].

«Новые историки» полностью игнорируют обстоятельства, сопровождавшие

обсуждение идеи обмена населением еврейским руководством Палестины/Эрец-Исраэль. Как уже отмечалось, Комиссия Пиля в своем отчете предложила разделить западную часть Эрец-Исраэль между арабским государством, объединенным с Иорданией, которое должно было занять около 85% общей площади Палестины/Эрец-Исраэль, и еврейским государством, образованным на оставшейся территории. Хотя перепись населения в стране не проводилась с 1931 г., авторы отчета на основании имевшихся в их распоряжении данных утверждали, что на территории будущего еврейского государства проживают 225 тыс. арабов, а на территории, на которой планировалось создать арабское государство, — 1 250 евреев. С целью устранения возможных очагов конфликта между двумя народами в будущем, Комиссия предложила осуществить обмен населением между еврейским и арабским государствами, аналогичный тому, который произвели между собой Греция и Турция после подписания мирного договора на Лозаннской конференции в июле 1923 г. Как справедливо отмечал историк Э. Карш, «идея трансфера как конкретная политическая программа никогда не выходила за пределы выдвинутых Комиссией Пиля предложений — там она родилась и там же была похоронена» [Карш 1999: 47–48].

Британские власти полностью поддержали рекомендации Комиссии Пиля, заявив, что видят в них именно ту политическую линию, которую Британия намерена проводить в Палестине/Эрец-Исраэль. В этой ситуации сионистское руководство после длительной и ожесточенной полемики было вынуждено согласиться с предложенным Комиссией планом, несмотря на то, что он предусматривал передачу арабам большей части территории Палестины/Эрец-Исраэль,

включая важнейший для еврейской истории город Хеврон, и отторжение от будущего еврейского государства Иерусалима, 56,7% жителей которого, по данным переписи 1931 г., составляли евреи (англичане планировали оставить город под собственным управлением). Еврейское государство, по плану Комиссии, должно было занять около 15% общей территории страны, простирающейся к западу от реки Иордан.

9 июля 1937 г. в британском еврейском еженедельнике «Jewish Chronicle» появилась статья под заголовком «Кошмарный план Королевской комиссии», в которой предложения Комиссии Пиля были расценены как «попытка превратить еврейский национальный очаг в еврейское национальное кладбище». 2 августа выработанный Комиссией план раздела Палестины стал предметом ожесточенной полемики на открывшемся в Цюрихе XX Сионистском конгрессе. Обсуждавшаяся тема носила столь судьбоносный характер, а дебаты были столь яростными, что впервые в истории сионистского движения заседание конгресса проходило за закрытыми дверями, без участия представителей прессы [Клайман 1983: 48–51].

В числе противников раздела Палестины по плану Комиссии Пиля были председатель Национального земельного фонда М. Усышкин (1863–1941), лидеры сионистского движения в США С. Вайз (1874–1949) и А. Силвер (1893–1963), З. Жаботинский (1880–1940) и его соратники по ревизионистскому лагерю, религиозные сионисты из движения «Мизрахи», а также представители социалистической организации «Ха'шומר ха'цаир» (последние верили в возможность сотрудничества еврейского и арабского рабочего класса и поэтому враждебно относились к идее раздела как таковой). В своем выступлении на конгрессе

Усышкин, в частности, заявил: «Мы не стремимся изгонять из страны ни одного араба; мы не стали бы этого делать, даже если бы у нас была такая возможность. У нас как у нации есть право на эту землю, и, разумеется, таким же правом обладают арабы, которые живут на ней на протяжении сотен лет» [см.: Галь-Нур 1994: 201].

Участница конгресса Г. Меир (1898–1978), ставшая впоследствии министром иностранных дел и главой правительства Израиля, предпочла не высказывать личное отношение к плану Комиссии Пиля из-за убежденности в заведомой невозможности его реализации. «Нам поведали о массовом переселении арабов. Неужто арабы уже дали на это свое согласие? Может быть, они согласились вести переговоры на эту тему? — патетически вопрошала Меир. — Все эти разговоры являются пустыми иллюзиями, и не более. Было бы справедливо, если бы богатые арабские землевладельцы отказались от Палестины в нашу пользу. Однако нужно их согласие и их добрая воля» [см.: Тевет 1999: 273].

Среди противников идеи обмена населением между двумя будущими государствами был также писатель, публицист и фермер М. Смилянский (1874–1953). В ходе заседания правления Еврейского агентства он, в частности, заявил: «Если бы мне сказали, что у арабских фермеров отберут землю и переместят их в какое-либо другое место, я бы сказал: оставьте их в покое, пусть живут в еврейском государстве, вместо этого лучше дайте нам полтора миллиона дунамов земли в Негеве» [см.: Тевет 1999: 272]. (По плану Комиссии Пиля, вся территория пустыни Негев должна была отойти к арабскому государству.)

Выводы Комиссии после длительных колебаний поддержал известный ученый и общественный деятель А. Руппин (1876–

1943), который в 1925–1929 гг. возглавлял миротворческую организацию «Брит Шалом», выступавшую за создание двунационального еврейско-арабского государства в Палестине/Эрец-Исраэль. Руппин высказался за то, чтобы взаимное переселение евреев и арабов носило исключительно добровольный характер, и чтобы арабам, которые пожелают остаться в местах своего проживания и войдут в состав еврейского государства, был предоставлен статус полноправных граждан. 27 июля 1937 г. он записал в своем дневнике: «Я не знаю, испытывал ли кто-нибудь такие же, как и я, затруднения в этом вопросе, прежде чем согласился на этот план... Я не думаю, что он нереализуем, однако он чрезвычайно непросто. Вследствие тех трудностей, которые сопряжены с его реализацией, нам придется смириться с тем фактом, что триста тысяч арабов останутся нашими гражданами. Следует учесть, что евреи во всем мире являются меньшинством, и поэтому мы должны будем служить примером того, как следует обращаться с меньшинствами» [см.: Тевет 1999: 271].

Бесспорный лидер Еврейского агентства Д. Бен-Гурион (1886–1973), ставший впоследствии первым премьер-министром и министром обороны Государства Израиль, еще в 1936 г. призывал разъяснить, что евреи «вовсе не хотят лишать арабов права на существование» [см.: Тевет 1999: 266]. «Места в стране хватит как для нас, так и для арабов», — подчеркивал он [см. отрывок из письма Д. Бен-Гуриона своему сыну Амосу: Карш 1999: 51], считая, что именно на этом принципе должно основываться любое соглашение между еврейскими и арабскими жителями Палестины/Эрец-Исраэль. Идея трансфера представлялась ему крайне проблематичным решением с моральной точки зрения. Бен-Гурион неоднок-

ратно заявлял, что сионистское движение не может осуществлять подобную политику и не имеет права даже предлагать такого рода вещи [см.: Горный 1985: 335]. Израильский историк Ш. Тевет описывает первоначальную реакцию Бен-Гуриона на предложения Комиссии Пиля так: «Он настолько затруднялся поверить в практическую ценность этого предложения, что не заметил его даже после того, как 7 июля 1937 года четырехсотстраничный отчет в отпечатанном виде оказался у него в руках, и он читал его на протяжении трех дней и трех ночей. «При первом чтении я «проигнорировал» этот основной пункт, — объясняет он в своем дневнике, — вследствие убеждения, что подобная вещь нереализуема, и все это не более, чем пустые слова». За этим последовала мучительная борьба с самим собой, которая продолжалась около месяца. Душевные переживания, связанные с предложениями Комиссии Пиля, нашли свое отражение в личном дневнике Д. Бен-Гуриона, а также в многочисленных письмах, которые он слал своим соратникам и друзьям» [см.: Тевет 1999: 268–269].

После долгих раздумий Бен-Гурион все же принял выработанные Комиссией Пиля рекомендации, в том числе и касавшиеся обмена населением. Принципиальное значение для него имел тот факт, что речь шла о переселении арабов исключительно в границах территории британского мандата, то есть в другие населенные пункты в самой Палестине, но не за ее пределами.

В итоге из 484 делегатов XX Сионистского конгресса 299 поддержали план Комиссии Пиля, 160 проголосовали против и 6 воздержались. Принятию плана большинством голосов во многом способствовала речь, с которой Бен-Гурион выступил 7 августа 1937 г. Оратор не скры-

вал своего недовольства британскими инициативами, однако высказался в их поддержку, дабы «приобрести независимость в вопросах репатриации». Иными словами, жесткие ограничения, содержащиеся в «Белой книге» (и оставшиеся в силе и в дни Холокоста), послужили тем фактором, который заставил сионистское руководство принять план Комиссии Пиля по разделу Палестины. Нет никаких оснований утверждать, как это делает, например, В. Халиди, что план, по которому 85% территории Палестины/Эрец-Исраэль, включая Иерусалим, оставалось за пределами еврейского государства, «выражал сионистскую позицию» [Khalidi 1988: 11; Masalha 1992: 54–60]. Разрыв между позицией, зафиксированной в отчете Комиссии Пиля, и устремлениями сионистского руководства был огромен.

Когда британские мандатные власти отказались от идеи обмена населением — а это произошло уже в 1938 г., в ходе обсуждения отчета Комиссии Вудхэда, — отказались от нее и сионистское движение. Как отмечалось в отчете Комиссии, «еврейская

сторона заявила нам о своем неприятии любого решения, носящего принудительный характер» [Great Britain. Colonial Office. Palestine Partition Commission 1938: 52].

Полномасштабная война между новопровозглашенным Государством Израиль и граничащими с ним арабскими странами, начавшаяся после Второй мировой войны, фактически не закончена до сих пор. Возникшие в ходе нее проблемы, касающиеся, прежде всего, палестинских беженцев [см.: Эпштейн, Урицкий 2003: 63–77] и статуса Иерусалима [см.: Зайцева 2004: 68–145; Эпштейн, Меламедов 2004: 142–153], все еще ждут своего разрешения. За прошедшие десятилетия в мире произошли грандиозные изменения, однако политика палестинского арабского руководства в отношении сионистского движения остается практически неизменной. Нежелание политической элиты палестинских арабов пойти на компромисс в какой-либо форме, жесткая позиция по принципу «все или ничего» ныне, как и восемьдесят с лишним лет назад, приводят к провалу все новых и новых витков переговорного процесса.

примечания

Бен-Гурион Д. 1967. Мои встречи с арабскими лидерами. Тель-Авив: Ам Овед [на иврите].

Галь-Нур И. 1994. И вернулись сыновья к своим границам. Позиции сионистского движения по территориальным и государственным вопросам. Иерусалим: Издательство им. Магнеса [на иврите].

Горный Й. 1985. Арабский вопрос и еврейская проблема. Политические и идеологические течения в сионизме через призму их отношения к арабской общине в Эрец-Исраэль в 1882–1948 годах. Тель-Авив: Ам Овед [на иврите].

Зайцева О.А. 2004. Проблема Иерусалима в палестинско-израильском конфликте и в международных отношениях //

Палестинско-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии / Под ред. А.Д. Эпштейна. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

Карш Э. 1999. Измышления израильской истории: «новые историки». Тель-Авив: Издательство «Ха'кибуц ха'-меухад» [на иврите].

Клайман А. 1983. Разделяй или властвуй. Политическая линия Британии и раздел Эрец-Исраэль — упущенная возможность? 1936–1939. Иерусалим: Издательство Института им. И. Бен-Цви [на иврите].

Моррис Б. 1997. Замечания по поводу сионистской историографии и идеи трансфера в 1937–1944 годах // Между видением и ревизией. Сто лет сионистской историографии. Иерусалим: Издательство Центра им. З. Шазара [на иврите].

Роуз Н. 2003. Черчилль. Бурная жизнь / Пер. с английского издания 1994 г. М.: АСТ — Историческая библиотека.

Тевет Ш. 1999. Сокрытые годы и черная дыра. Тель-Авив: Двир [на иврите].

Халамиш А. 2004. От «национального очага» — к государству. Еврейская община Эрец-Исраэль в 1917–1939 гг.

Т. 1. Тель-Авив: Открытый университет Израиля [на иврите].

Эпштейн А., Урицкий М. 2003. Проблема палестинских беженцев: история, историография и политика // «Космополис», № 3(5).

Эпштейн А., Меламедов Г. 2004. Израильяне и палестинцы о проблеме Иерусалима // «Космополис», № 3(9).

Great Britain. Colonial Office. Palestine Partition Commission (Chairman: Sir John Woodhead). Report. 1938. L.

Finkelstein N.G. 1995. Image and Reality of the Israel-Palestine Conflict. L.: Verso.

Khalidi W. 1988. Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine // «Journal of Palestine Studies», vol. 17, issue 1.

Letters and Papers of Chaim Weitzmann. 1968–1980 / General editor Meyer M. Weisgal. Vol. XVIII (January 1937 — December 1938). L.; Jerusalem: Oxford University Press.

Marlowe J. 1959. The Seat of Pilate: An Account of the Palestine Mandate. L.: Cresset Press.

Masalha N. 1992. Expulsion of the Palestinians: The Concept of «Transfer» in Zionist Political Thought, 1882–1948. Washington: Institute for Palestine Studies.

Meinertzhagen R. 1959. Middle East Diary. L.: Cresset Press.

Mossek M. 1978. Palestine Immigration Policy under Sir Herbert Samuel. British, Zionist and Arab Attitudes. L.: Frank Cass.

Sachar H. 1970. The Emergence of the Middle East, 1914–1924. L.: The Penguin Press.

Shahak I. 1989. A History of the Concept of Transfer in Zionism // «Journal of Palestine Studies», vol. 17, issue 3.

Stein L. 1961. The Balfour Declaration. N.Y.: Simon and Schuster.